

Когда я играл Анастаса Микоюна в фильме «Серые волки», мы поехали сниматься в Завидово — это правительственный заповедник. Там начинается сцена охоты на волков. Никто, конечно, никаких волков не убивает. Их сшибают снотворным, обливают красной краской, и они спокойно лежат. Спят.

Стою я как-то и чего-то жду. А рядом топчется какой-то человек в телогрейке. А за отворотами телогрейки вижу на нем синий мундир. А солдатская ушанка сидит на нем, как генеральская папаха. Весь подтянутый, красивый, и у него такое замечательное лицо: загорелое, здоровое. И его южный загар резко контрастирует с белым-белым снегом. И вот этот красавец долго топтался вокруг меня, пока я не выдержал и не спросил:

— Вы что-то хотите мне сказать?

А он и спрашивает:

— Константиныч, ты знаешь, кто я такой?

— Нет, — говорю, — не знаю.

— Я егерь Политбюро.

— Прости, — говорю, — но Политбюро уже сто лет как нет.

— А вот про меня забыли.

Вытаскивает трудовую книжку и показывает. Читаю — и действительно: «Главный егерь Завидовского заповедника».

— Вот, — говорит, — вы про Хрущева тут снимаете, а ты знаешь, что Хрущев мне чуть всю жизнь не искалечил? Сейчас поймете, о чем идет речь.

И пока он рассказывал мне свою историю, я и плакал, и губы себе перекусал. Перескажу эту историю так, как я ее запомнил.

«Помните, — начал он свой рассказ, — приехал как-то к Никите Вальтер Ульбрихт, ну, вождь из ГДР. И вот звонок: Хрущев с этим Ульбрихтом приезжают на заячью охоту. А зайцев у нас в заповеднике нет! Что делать?»

Ну, мы привыкли ко всему. Приезжают члены Политбюро, им солдаты вытаскивают оленей, кабанов — кому что нужно. Они их стреляли и хвастались потом своими охотничьими трофеями.

Делать нечего, поехал я в соседнее хозяйство, поменял на бутылки зайцев и привез их в клетке. А зайцы, паразиты, оказались очень хитрыми и умными. Они ночью умудрились открыть эту клетку и удрали.

Утром мне говорят:

— Слушай, главный, нет зайцев — все ушли.

— Братцы, — говорю, — что же будем делать?

А в это время слышу: «Вау! Вау!» — сирены орут. И слух с мигалками «членовозы». Я выбегаю навстречу и уже понимаю, что мне сейчас будут кранты, зная крутой характер Никиты. И вот машины останавливаются, и вылезает из своей Никита. Я приветствовал его и говорю:

— Никита Сергеевич, знаете, сейчас не сезон, и зайцев в заповеднике нет.

Тут он побавровел и стал топтать ногой. Кричит:

— Как нет?! На Руси нет зайцев? Да я тебя сгною! У тебя дети попросят хлеба, а знаешь, что ты им дашь? Вот что ты им дашь!

И показывает определенно жест, что я им дам.

Короче, орал он, орал, орал и потом говорит Ульбрихту:

— Пошли!

И они зашли в охотничий домик.

Лев ДУРОВ

вотные, самолюбивые и страшно обижаются, когда над ними измываются».

Здесь я перебею рассказ егера и в подтверждение слов рассказчика расскажу историю своего кота Марта. Это был замечательный кот. Его кто-то выбросил из форточки в марте (отсюда и его имя), мы его подобрали и выкормили из пипетки. Это был преданный дому кот.

А тут как раз юбилей Юрия Никулина, и мы с котом пошли его поздравлять. Март должен был читать приветственный адрес юбиляру. Я был уверен, что кот прочтет. Мы вышли с ним на сцену, и

Дурова я не выйду на сцену». Хотя у него поздравление было с живым крокодилом.

Да, но мой кот Март жутко обиделся на публичное оскорбление и ночью исчез. Больше я его не видел...

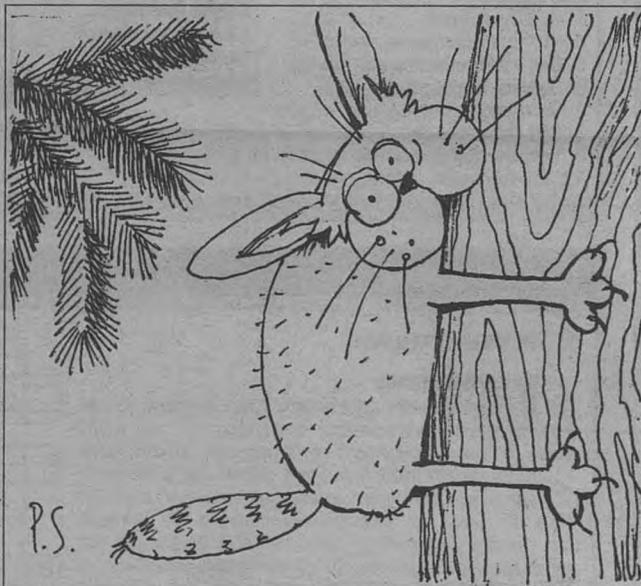
Прошу прощения у егера, что я его перебил.

«Так вот, — продолжал егерь, — когда мы зашли кота в заячью шкурку, его вроде как бы парализовало. Он, видно, не мог понять, что с ним делают. Получился эталонный котозаяц. Он не бежал, не прыгал, а мог только ползти.

Значит, после этой процедуры иду я в охотничий домик. Стучусь. Захожу.

Новая газ. - 1999. - 18-24 янв. - с. 24
УГОЛОК ДУРОВА

ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ РАГУ ИЗ ЗАЙЦА

Я стою и думаю: «Действительно, он меня, конечно, выгонит, а что я детям дам?..» И тут мне в голову приходит потрясающая идея.

Я вспомнил, что у нас в банке висят заячьи шкурки. Какого черта они там висели, понятия не имею. Но я подумал: поймал на помойке кота, зашьем его в шкурку и выпустим под стволы. Все равно руководители сейчас напьются и ни хрена не поймут. Так наш номер и пройдет.

Послал я ребят на помойку, они поймали одного голодного кота сеткой и зашили в эту заячью шкурку. Но, как известно, коты очень своенравные жи-

как я ни пытался заставить его читать, он отказывался. Я его стыдил:

— Как же так! Мы с тобой репетировали дома, и ты прекрасно читал! Ну тогда просто скажи Юрию Владимировичу, что мы поздравляем его с юбилеем. Ну, скажи!..

Кот, конечно, молчит. Тогда я говорю:

— Ну, скажи просто — Юра!

Он опять молчит. Мы уходим с ним за кулисы. А у меня уже была приготовлена кровавая рубашка, а на теле мне нарисовали кровавые полосы. И через секунду я полетел из-за кулис, как бы истерзанный котом. Брал с пола приветственный адрес и зачитывал его.

Успех был ошеломляющий. Даже Карандаш сказал: «После

Никита увидел меня, нахмурился.

— Чего тебе? — спрашивает.

— Заяц, — говорю, — появились.

— Ну вот! А ты говорил, что зайцев нет! Ульбрихт, пошли!

Они хватают ружья и выскакивают на крыльцо. И видят, ползет это чудовище — котозаяц. Они вскрикивают стволы и: бах! бах!

И вдруг этот заяц: «Мя-а-у!» — и на сосну. Ульбрихт от такой сцены упал в обморок. А Никита орет:

— Второй раз Германию победили! Завалили немца!

Тут вызвали «неотложку», Ульбрихта увезли, а Никита еще три дня пил в этом домике. И каждое утро выходил, чтобы посмотреть на кота, который сидел на ветке и боялся спуститься вниз.

— Все сидишь? — спрашивал его Никита и предупреждал охрану: — Вы мне этого зайца не трогайте. Не стреляйте в него. Он мне второй раз Германию победил!

На третий день «заяц» пропал, видно, все-таки сполз от голода. А Никита, уезжая, все спрашивал и наказывал:

— Вы запомните его? Смотрите не стреляйте.

А потом по распоряжению Никиты мне выдали премию. Правда, не знаю, за что.

А еще позже Никита рассказывал, как он был в больнице у Вальтера Ульбрихта и тот сказал: «Никита, какой же дурак был Питлер, что пошел на державу, где зайцы по соснам лезят».

Я рассказал эту историю так, как запомнил. Потом ее где-то перепечатали и, как обычно, все перепутали и переврали.